

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XX

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАСЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

Д. А. Ольдерогге

ДРЕВНИЕ СВЯЗИ КУЛЬТУР НАРОДОВ АФРИКИ, ИНДИИ И ИНДОНЕЗИИ

Проблема древних связей Африки со странами Индийского и Тихого океанов впервые была широко поставлена Лео Фробениусом в конце прошлого века. В 1898 г. молодой, еще никому не известный ученый опубликовал исследование, в котором доказывал, что культура народов Западной Африки создана малайо-нигритами¹ и была привнесена из Меланезии или из Юго-Восточной Азии.

В те годы этнографическое изучение народов Африки еще только начиналось. Археологических раскопок не велось, и потому господствовало мнение, что аборигены Африки, минуя в своем развитии каменный век, перешли к обработке железа непосредственно от производства деревянных орудий. Каких-либо палеоантропологических исследований не было вообще. Поэтому работа Л. Фробениуса основана была исключительно на материалах, которые давало изучение собранных в Африке коллекций, хранившихся в музеях Германии и Швейцарии по преимуществу. На основании распространения различных типов орудий, оружия и других предметов материальной культуры и применения картографического метода Л. Фробениус хотел показать возможность изучения культуры как целостного организма и соответственно воссоздать морфологию культуры. Заканчивая свое исследование, он писал: «Результаты моих изысканий — это триумф музейной науки, так как только при помощи сохраняемых в музеях сокровищ удалось понять структуру культуры... Это, — говорит он, — самым блестящим образом доказывает значение музеев для науки»².

Разобрав и изучив распространение различных типов щитов, луков, ножей, мечей, музыкальных инструментов, циновок, а также типов жилищ и других «элементов культуры», он пришел к выводу, что по своим форме, назначению и материалу все предметы материальной культуры Африки указывают на южно-азиатское или юго-восточно-азиатское их происхождение: либо индонезийское, либо индийское, а в некоторых случаях мелане-

зийское. Поэтому вся культура Африки в целом, и в особенности западноафриканский культурный круг (а таким образом он обозначил единство материальной культуры народов Гвинейского побережья и бассейна р. Конго), была создана малайнигритами, переселившимися из Меланезии и Индонезии на Африканский материк.

Действительно, знакомясь с общим характером условий жизни и быта народов Новой Гвинеи и Западной Африки, нельзя не заметить известного сходства между ними. Еще за 450 лет до Л. Фробениуса это заметили португальские мореходы. Когда Иниго Ортис де Ретес высадился в 1546 г. на берегах неизвестной ему и его спутникам земли, внешний вид ее обитателей, их хижины и окружающий растительный мир показались ему до такой степени сходными с тем, что они уже видели в Африке, на берегах Гвинеи, что открытый ими остров назвали Новой Гвинеей³.

Как известно, работа Л. Фробениуса положила начало новому направлению в немецкой этнографической науке, получившему позднее название культурно-исторической школы. В своих докладах на заседании этнографического общества в 1904 г., обосновывая теоретические положения концепции культурных кругов, представители этого направления Гребнер (на материалах Океании) и Анкерман (на африканских), по существу, лишь уточнили идеи Л. Фробениуса, развили и расширили их.

Африканист Анкерман полностью принял теорию малайнигритского происхождения западноафриканского культурного круга и в том же духе намечил распространение других кругов и слоев в Судане и Восточной Африке⁴. Наиболее полную и последовательно изложенную историю распространения различных типов африканских культур и их происхождение обрисовал известный путешественник, зоолог, ботаник, этнограф, спутник Эмина Паши в его странствиях по Центральной Африке, Франц Штульман. В отличие от этнографов культурно-исторического направления, довольствовавшихся весьма смутным понятием культурных кругов, Ф. Штульман положил в основу своих теоретических изысканий концепцию непрерывных миграций. История Африки, в его понимании, представляла собою не что иное, как непрерывную цепь переселений различных расовых групп, вторгавшихся на Африканский континент извне.

Первоначальная культура аборигенов Африки, по его мнению, была чрезвычайно примитивна. Первая волна темнокожих переселенцев принесла из Юго-Восточной Азии начатки земледелия, лук и стрелы, четырехугольные хижины, обычай организации тайных союзов с их масками и обрядностью и т. п. Этот первичный «слой» культуры объединял народы Западной Африки и Новой Гвинеи, африканцев, живших на берегах Гвинейского залива, и папуасов. Позднее в Африку, как предполагал Ф. Штульман, проникли волны протохамитов, принесших с со-

бой из Южной Азии развитое мотыжное земледелие и зерновые культуры — сорго и пр. За ними последовали волны хамитов, пришедших со стадами длиннорогого скота, быков зебу и т. п. Центром, откуда шли все эти переселения, по мнению Ф. Штульмана, была Южная Азия, в частности дравидийская Индия⁵.

По сравнению с весьма неопределенным понятием культурного круга взгляды Ф. Штульмана казались историчными, но только на первый взгляд. В действительности все эти переселения были столь же нереальны, как и культурные круги. Волны пришельцев были не фактами этнической истории, но всего лишь абстракциями, основанными на изучении распространения предметов материальной культуры, произвольными предположениями о вероятной последовательности занесения в Африку культурных растений и пород домашнего скота. Примером искусственности предположений Ф. Штульмана может служить его рассуждение о двух волнах банту.

Надо сказать, что южную половину Африканского материка населяют народы, говорящие на языках семьи банту. Обитатели области тропического влажного леса и районов, где распространена муха цеце, имеют только коз и овец, так как разведение здесь крупного рогатого скота невозможно. Жители саванн наряду с мелким рогатым скотом разводят как длиннорогий, так и короткорогий крупный скот. Ф. Штульман поэтому видит в них два различных по своему происхождению потока переселенцев — старых и новых банту. Это предположение было принято позднее во многих работах как этнографов, так и лингвистов и разделялось ими вплоть до недавних работ В. Ван Бюлька — известного бельгийского исследователя языков Конго⁶.

Представление о врожденной неспособности к самостоятельному творчеству аборигенного населения Африки казалось до такой степени несомненным, что даже бенинские рельефы сначала признавались изделиями чужеземных мастеров.

Когда на развалинах сожженного английской карательной экспедицией города были найдены бронзовые скульптурные изображения голов царей и рельефы с изображениями сцен охоты, торжественных церемоний, придворных разных рангов и т. п., они были признаны изделиями европейских литейщиков. Неафриканское происхождение техники бронзового литья В. Крамер в отличие от большинства этнографов доказывал не связями с Европой, но искал его происхождение на Востоке. Он видел в этих произведениях проявление характера и стиливых особенностей искусства Индии. По его мнению, не только бронзовое литье, но также ткацкий станок, культ богини-матери, некоторые фетиши и т. д. были занесены в Африку кружным путем из Индостана⁷.

В связи с этим надо отметить, что, говоря о миграциях,

многие ученые не учитывают того обстоятельства, что сравнивают они культуру народов, живущих в сходной географической среде и находящихся примерно на одном уровне общественного развития. Сходные элементы материальной культуры встречаются не только у народов Африки и Юго-Восточной Азии, Африки и Меланезии, но и у народов Африки и индейцев Южной Америки. Это разные типы деревянных барабанов; организации тайных союзов с присущими им масками из дерева, луба и соломы; типы четырехугольных хижин; мужские дома и т. п. В конечном счете все это — элементы культуры народов тропического пояса, находящихся на сходном уровне развития.

Полное изменение в наших представлениях о далеком прошлом Африки произошло в начале нынешнего века. Сначала палеоантропологические находки, а затем открытие наскальных росписей дали в руки историков и археологов неопровержимые свидетельства глубокой древности и постепенного развития культуры на Африканском материке.

В 1921 г. в Брокенхилле были обнаружены костные останки так называемого родезийского человека, затем последовали многочисленные находки в рудниках Таунг в долине Макапан, Штеркфонтейн, Крондрай и т. д. Тем самым было прочно установлено существование на территории Африки австралопитеков. Затем последовали открытия в Восточной Африке, где еще в 1913 г. был найден череп ископаемого человека. Почти все дальнейшие открытия в этой части Африки связаны с именем Лики. За последние годы число находок безмерно увеличилось. По заключению французского антрополога Арамбура, Африка — единственный материк, где представлены все стадии развития животных предков человека, вплоть до появления *Homo Sapiens*⁸.

Излагать историю археологических открытий, сделанных за последнее десятилетие в Африке, нет никакой возможности. Теперь можно только удивляться тому, насколько изменились наши представления. Открыто огромное количество археологических культур. Соотношение между ними непрерывно уточняется. Обнаруживаются все новые и новые данные. Выясняется картина постепенного изменения климатических условий. В этой связи стоит отметить значение открытия наскальных рисунков не только в Южной Африке, но и во всех горных районах Сахары. Теперь стало очевидным, что ныне необитаемые районы этой огромной пустыни были некогда населены племенами охотников и скотоводов. Огромное значение имело полное изменение в методике изучения археологических материалов. Хронометрические методы дали возможность перейти от определения древности находок в рамках относительной хронологии к установлению датировки по шкале абсолютной хронологии. Появились новые науки — палеоботаника и палинология. Теперь мы знаем, что расовые типы Африки возникли и

развивались на самом Африканском материке, а археологические культуры сменялись постепенно примерно в той же последовательности, что и в других частях света, конечно, со своими особенностями⁹. Так, для Африки существенны противопоставление культур тропического леса культурам саванн, изменения климатического режима Сахары и т. п.

Последние данные радиоуглеродного анализа находок в Африке и Южной Сахаре, в частности, показали, что Африка представляла область, где человечество сделало первые шаги в развитии культуры вообще, где происходило постепенное одомашнивание животных и введение в культуру местных растений¹⁰. Намечается по меньшей мере два центра происхождения многих культурных растений — в Западном Судане, где сохранилось много эндемичных растений, вошедших в культуру (африканский рис, фоньо, ибуру, не говоря уже о различных видах проса и сорго), и в Восточном Судане, где представлены сорго, просо, лен (распространившийся позднее в Индии), энсете, или ложный банан, и другие растения. По-видимому, одновременно происходило одомашнивание животных и развитие земледелия.

Распространение культуры к югу от Судана еще далеко не ясно. Несомненно, вся южная половина Африки была заселена племенами, последними представителями которых приходится считать пигмеев тропического леса, а на юге — различные племена охотников и собирателей — различные группы бушменов в Ботсване и Намибии, квади в Анголе, хада в Танзании, горные дама в Намибии и прочие подобные им по культуре этнические группы. Их в целом можно назвать палеоафриканцами.

В настоящее время в африканистике усиленно дебатруется вопрос о распространении языков банту¹¹, которое обычно представляют в виде переселения единого народа банту и связывают с проблемой появления железа и распространением определенного вида керамики в южной половине Африканского материка. Однако это весьма распространенное в зарубежных работах представление ошибочно. Не следует забывать, что банту — понятие чисто лингвистическое, а народы, говорящие на этих языках, различны и по своему антропологическому типу, и по формам хозяйства, не говоря уже об уровне развития общественного строя. Связывать распространение железа или какого-либо типа керамики с историей распространения языков весьма спорно и по меньшей мере требует доказательств. Долгое время развитие культуры народов Тропической Африки объясняли влиянием древнего Египта. Несомненно влияние древнеегипетской и мероитской культур на культуру древней Ливии и на первоначальное население ее — народы Мазиг (предки берберов) и народы Нильской Эфиопии. Но не следует забывать, что ни египтянам, ни грекам, ни римлянам не удалось

проникнуть в верховья Нила и истоки его были открыты всего лишь немногим более 100 лет назад, да и то их достигли с юга.

Теперь становится ясным, что страны Западного Судана ознакомились с железом независимо от Мероэ. Связи между долиной Нигера и Средиземноморьем существовали очень давно. Наскальные росписи Тассилин-Аджерера показывают, что во II тысячелетии до н. э. существовал путь от Триполи к Нигеру, а другой — от Нигера к Марокко. Однако связи эти позднее оборвались настолько, что уже Геродот (V в. до н. э.) не мог почти ничего узнать о странах южнее Сахары, кроме неясных рассказов о путешествии насамонов в страну юга. После всего сказанного можно поставить вопрос: как же в свете всех новых данных следует рассматривать взаимоотношения культур народов Африки и Индии и Индонезии?

Если отбросить все предположения культурно-исторической школы о малайо-нигритском происхождении культуры Западной Африки, то все же мы видим несомненные связи Африканского материка и народов, его населяющих, со странами Индийского океана — Аравией, Индией и Индонезией.

Так, бесспорно азиатское происхождение зебу. Изображения этой породы домашнего скота мы находим на печатях Мохенджо Даро, на цилиндрах Месопотамии III тысячелетия до н. э. В настоящее время зебу разводят все народы Судана, а также народы, живущие на территории от Эфиопии до Сенегала, и на территории всей Восточной Африки до самого юга. Однако распространение зебу относится к довольно позднему времени: изображений зебу мы не находим ни на памятниках древнего Египта, ни среди наскальных росписей Сахары, хотя на всем ее протяжении всюду найдены изображения как длиннорогого, так и короткорогого скота.

Несомненно азиатское происхождение некоторых растений, например кокосовой пальмы, растущей на берегах Восточной Африки, сахарного тростника и банана, завезенных, по-видимому, из Индии. Азиатского происхождения — манго, апельсинное и лимонное деревья, а также гранат и хна.

Американский этнолог Мердок, автор книги по истории культуры Африки, к числу растений азиатского происхождения относит также рис, таро и ямс¹². Однако это ошибка, так как он не учитывает разновидностей этих растений. Например, ботаники признают, что рис (*Oryza glaberrima*) — африканского происхождения и возделывался в Западном Судане издавна, тогда как азиатский рис (*Oryza sativa*) был завезен в Африку довольно поздно. Некоторые виды ямса — африканского происхождения. Во всяком случае, по свидетельству специалистов, ямс (*Dioscorea rotundata*) засвидетельствован в Африке за несколько тысячелетий до появления земледелия в Африке. Другие виды ямса, по данным ботаника Керси, были известны африканцам задолго до азиатского ямса. В частности, один из них

был введен в культуру в южной части Судана во II—III тысячелетиях до н. э. В этой связи необходимо заметить, что у многих народов Западной Африки праздник нового года связан с урожаем ямса¹³.

Теперь с несомненностью установлено, что просо, сорго, фо-нио — основные злаковые растения, составляющие основу питания народов саванн, — были введены в культуру народами Африки. В полосе тропического леса, где основными продовольственными культурами являются корнеплоды, население издавна возделывало некоторые виды ямса и *Coleus* — ныне почти исчезнувшую культуру¹⁴.

Казалось бы, что все эти данные должны были бы полностью устранить все прежние предположения о решающем значении азиатских влияний на культуру народов Африки. Тем не менее это не так. Некоторые этнографы и лингвисты, например, по-прежнему пытались объяснить причину удивительного единобразия языков банту влиянием индонезийцев. Такого мнения придерживался известный исследователь пигмеев Центральной Африки П. Шумахер¹⁵. Позднее Луиза Омбюрже, французский ученый, специалист в области изучения языков банту, доказывала во многих своих работах, что некогда в области Великих озер Восточной Африки существовала синдо-африканская семья языков и что будто бы индийцы канара создали там государство, в результате распада которого языки смешавшихся народов дали начало языкам банту¹⁶. Нет необходимости долго объяснять, что эти предположения лишены строгих научных доказательств.

Однако если их еще можно считать отголосками прежних взглядов на историю развития африканских народов, то этого нельзя сказать о работах английского музыковеда А. М. Джонса.

В своем исследовании А. М. Джонс, сравнивая ксилофоны Индонезии с африканскими, доказывает, что те и другие основаны на одинаковых принципах и в отличие от европейской гаммы имеют либо гамму с семью равными интервалами в октаве, либо гамму с пятью интервалами. Он отмечает, что эти гаммы встречаются только в малайю-полинезийском мире, а в Африке засвидетельствованы в двух областях — в Судане и в юго-восточной части Африканского материка — от Мозамбика до Уганды. Далее А. М. Джонс сравнивает гонги в виде колокольчиков, встречающиеся у эве на Гвинейском берегу, с яванскими, однострунный инструмент *сесе*, распространенный в Африке, на Мадагаскаре и на Целебесе, сходные типы хорового пения и т. п. Для большей убедительности своих доводов он привлекает и другие данные из области материальной культуры, как-то: распространение судов с аутриггерами и игры, известной в этнографии под арабским ее названием *манкала* (суах. *бау*). Ареал ее совпадает с ареалом распространения ксило-

фонов. А. М. Джонс, повторяя прежние работы Крамера, усматривает в бронзах Бенина индонезийский антропологический тип. Чтобы подкрепить свою теорию, А. М. Джонс приводит мнение английского этнографа Хэттона, известного своими работами по Ассаму, который сравнивал обычаи племен Нага с верованиями некоторых народов Нигерии (вера в уход души во время сна; обычаи ритуальной борьбы на праздниках урожая и плодородия; погребальные обряды, охота за головами, применение ходуль на праздниках и т. п.). Общий вывод автора: индонезийцы пересекли Индийский океан, колонизовали Мадагаскар и Юго-Восточную Африку, а затем, обогнув мыс Доброй Надежды, достигли берегов Конго и Гвинеи. Индонезийцы, говорит А. М. Джонс, были первыми колонизаторами Африки. Куда же они делись? — спрашивает сам автор и отвечает: Африка поглощает все¹⁷.

Существует в эвристике особый вид ошибки — сказать слишком много. Это применимо к доказательству А. М. Джонса. Здесь нет возможности разбирать эти доказательства подробно, но надо отметить, что большинство их, в том числе сопоставления Хэттона, не могут быть приняты всерьез. Несомненно лишь индонезийское происхождение аутриггеров, встречающихся на восточном берегу Африки. Это было давно доказано еще Ф. Штульманом, а позднее Хорнеллом и другими исследователями мореходного дела у суахильцев¹⁸.

Вообще, следует заметить, что без точно установленного исторического контекста какие-либо сопоставления сходных по внешнему виду предметов или обычаев не могут быть признаны доказательными. В этнографической науке они столь же недопустимы, как, например, в лингвистике сравнение одинаково звучащих слов, хотя бы и сходных по значению, вне общего рассмотрения системы звуковых соответствий и изучения основных черт морфологического строя языка не может считаться доказательством генетического родства языков.

Этнографические сравнения А. М. Джонса неубедительны, но остается их музыковедческая сторона. Я не беру на себя смелость судить о ней, могу лишь указать, что специалисты в этой области отнеслись к его теории резко отрицательно. Основной недостаток, отмеченный ими, — неточность измерений и небольшое число избранных им для обмеров инструментов, что не дает права на столь широкие обобщения¹⁹.

Итак, к какому же выводу мы приходим? Как можно оценивать связи Африки с Индией и Индонезией? Существовали ли они и насколько они были существенны?

Заселение Мадагаскара индонезийцами совершенно несомненно. Можно лишь спорить о времени их появления на острове, но в общем оно определяется теперь всеми специалистами довольно единодушно: они относят их переселение к первым векам нашей эры.

Несомненны также весьма древние связи восточного побережья Африки с Южной Аравией.

И заселение Мадагаскара, и плавание вдоль берегов Восточной Африки в сторону Хадрамаута определяются прежде всего наличием течений и ветров, делающих возможным регулярную связь либо в одну сторону, как это обстоит с Мадагаскаром, либо в обе стороны, что связывает Африку с Аравией.

В Этнографическом музее в Лейдене мне довелось среди африканских коллекций обнаружить обломок колонны — часть надгильного памятника, судя по надписи поставленного в память офицера, погибшего во время военной экспедиции в Южную Аравию. По музейным данным, камень этот был найден на африканском берегу, где-то в пределах нынешней Танзании. Очевидно, его подобрал рыбак-африканец, на обратном пути захватив его в качестве балласта. Подобного рода путешествия, очевидно, совершались задолго до того, как греческий мореход Гиппал узнал от индийского моряка возможность плавания при попутных муссонных ветрах, и с того времени плавания из Красного моря в Индию при «ветре Гиппала» становятся обычными²⁰. Изучение восточной торговли греко-римского Египта было в свое время предметом исследования проф. Казанского Университета М. М. Хвостова²¹. С того времени накопилось немало новых данных, позволяющих утверждать существование постоянных торговых связей Эфиопии с Индией. С африканской стороны эти связи простирались далеко в глубь материка, вероятно вплоть до Мероэ. Сохранились свидетельства античных авторов об индийских купцах на берегах Красного моря. Связи Индии с Эфиопией рассматривал в своей работе индийский ученый Сунити Кумар Чаттерджи²². Здесь не место рассматривать все его сопоставления. Укажу лишь на некоторые из них.

Так, по мнению многих ученых, индийское влияние в искусстве Мероэ сказалось в манере изображения львиноголового бога Апеджемака. К этому могу добавить также изображения поверженных фараоном врагов. Сам характер этих изображений, ведущий свое происхождение от сцен композиций такого рода, известных в искусстве Египта со времен Древнего царства, в мероитском искусстве приобрел иной, чисто индийский способ передачи многоголовой фигуры²³.

Мне представляется весьма вероятным и основательным предположение о влиянии индийских силлабических систем письменности на создание древнеэфиопского письма, имеющего точно такой же принцип написания силлабов путем изменения основной формы начертания соответственно изменению гласного звука слога²⁴.

Индийские товары проникали путем караванной торговли далеко в глубь Судана по торговым дорогам, ведущим к оз. Чад. Вероятно, именно этим можно объяснить удивительное сходство металлических украшений (браслетов) весьма своеобраз-

разного типа и особого типа ножей-кастетов, встречающихся в Нигерии и Индии.

О развитии торговли с Индией свидетельствуют слова индийского происхождения в языках сомали, галла, амхарском, харари и языке средневековой литературы Эфиопии — геэз. Известный семитолог Энно Литтман посвятил им специальную работу²⁵. Все эти слова относятся к сфере торговли: это названия драгоценных камней (*берилл, сапфир*), благовоний (*nard, сандал*), пряностей (*имбирь, перец, мускус*) и т. д. Многие из этих слов встречаются не только в кушитских и семитских языках Эфиопии, но и в языках банту Восточной Африки — так, например, *лавка, повозка* и др.

Торговые связи Африки с Индией, Индонезией и даже с Китаем были предметом многочисленных работ Г. Феррана, Хорнелла, Тиббетса и многих других востоковедов²⁶. Находки монет на восточном берегу Африки, а они многочисленны, подтверждают существование широких морских связей со странами Южной Азии²⁷. Это давно было доказано находками фарфора эпохи династии Мин в раскопках в Зимбабве²⁸.

Уже давно было известно, что на берегах Африки — от Бенадира вплоть до Софалы — сложилась особая приморская культура древней Азии. В трудах западных исследователей ее обычно представляют как арабо-персидско-индийскую культуру — чужеземную и, по существу, инородную для Африки. Работы советских ученых, в частности исследования В. М. Мисюгина, показывают, что культура эта имеет в основном местный, африканский характер²⁹. Прежнее представление о суахили как о жаргоне, образовавшемся из смешения арабского языка с местными диалектами, должно быть отброшено. Работы в области сравнительной грамматики языков банту показали неосновательность этого взгляда.

Образ жизни населения, живущего в прибрежной полосе, называемой на языке суахили *rwani*, резко отличался от образа жизни племен, живущих в глубине страны, в *barabara*. На берегах Индийского океана, где сложился язык суахили, их обычаи и вся их культура, издавна было развито мореплавание. Изучение мореходства суахили показывает, что в этой части побережья Африки множество типов судов, некоторые из них, вероятно, южноазиатского происхождения, как, например, *mashua, mtere ngalawa* и др. Терминология, связанная с морским делом, также указывает на это. Так, слово, обозначающее команда корабля на суахили, *nahoz* — индо-персидского происхождения, но попало в Африку через арабов³⁰.

О южноазиатском происхождении многих культурных растений восточной части Африки уже говорилось. Это подтверждают и данные языка. Так, на языке суахили манго называется *embe*. Слово это взято из одного из индийских языков. По свидетельству арабского географа и историка X. в. ал-Масуди, по-

бывавшего на восточном берегу Африки, в стране зинджей, «основная часть пищи их — дурра и растение, называемое *ал-калари*, которое добывается из земли как трюфель и корень ар-расан. Этот ал-калари походит на колоказию»³¹. В современном языке суахили слово это имеет форму *kiazi* (мн. ч.) — *viazi* и означает «бататы». По заключению К. Мейнхофа, оно восходит к древней форме *kilali* и не имеет какой-либо общепантуской основы. По мнению О. Демпвольфа, знатока восточноафриканских языков банту, впоследствии занявшегося малайя-полинезийскими языками, оно австронезийского происхождения и восходит к названию ямса — *ubikaju*, которое в мальгашском языке дало *uvi* — *kazu*³².

Как же обстоит дело с возможностью индонезийской колонизации Африки, колонизации, достаточно основательной для того, чтобы она оказалась в состоянии определить многие черты культуры народов Африки?

Несомненно, что индонезийцы посещали берега Восточной Африки. Об этом мы имеем непосредственное свидетельство. В книге «Чудеса Индии», написанной либо со слов капитана корабля Бузурга ибн Шихрияра, либо им самим, говорится: «В 334 году (г. х.— Д. О.) около тысячи ваквакских лодок подъехало к Канбалу. Пришельцы упорно воевали с жителями, но не могли их одолеть, так как Канбалу сильно укреплен кругом, а снаружи окружен морским заливом; таким образом, к искусственной крепости присоединяется естественная. Некоторые из туземцев, попав к осаждающим, спрашивали их, почему они пришли именно сюда, а не в какую-нибудь другую страну. Завоеватели отвечали, что приехали исключительно ради местных товаров, которые высоко ценятся у них в Китае, как-то: черепаховая и слоновая кость, тигровые шкуры и амбра; кроме того, они хотели захватить рабов, так как те сильны и выносливы в труде. Путешествие ваквакцев продолжалось целый год. По дороге они разграбили острова, отстоящие от Канбалу на шесть дней пути, и завладели многочисленными городами и поселками в Софале зинджей, не говоря уже про тех, об участи которых нам неизвестно. Если верны слова этих людей относительно того, что их путешествие продолжалось целый год, значит, Ибн Лакис прав, когда утверждает, что острова Ваквак лежат где-то в море, против Китая,— но Аллах знает лучше»³³. Как видим, поход оказался для нападавших неудачным, и, получив отпор, они были вынуждены удалиться. Очевидно, африканские властители были достаточно сильны, чтобы противостоять нападением индонезийских пиратов.

По всей видимости, влияние индонезийцев не проникало глубоко в Африку. У индонезийцев были заимствованы лишь некоторые элементы культуры, как, например, аутриггеры. Однако и сами пришельцы заимствовали из Африки крупный рогатый скот и коз, так как названия домашнего скота и не-

которых растений в малагасийском языке — африканского происхождения, например: *angomby* 'бык' — сокращенная форма *omby* (суахили — *ngombe*); 'коза' *osy*, кит. *usi* (суахили — *mbuzi*); 'собака' *mboa* (суахили — *mbwa*); 'маниока' *mahogo* (суахили — *muhogo*) и др.³⁴.

Со времени нападения индонезийцев на Канбалу прошло более 550 лет, и у берегов Африки появились корабли Васко да Гамы. Огнестрельное оружие давало португальцам превосходство, и с начала XVI в. на побережье установилось их владычество. Оно открыло новую, трагическую для Африки эпоху, эпоху работорговли, которая нанесла народам ее (особенно в западной части материка) огромный ущерб и задержала их развитие. Однако владычество португальцев было относительно недолгим, и уже в конце XVIII в. города-государства Восточной Африки стали вновь самостоятельными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Leo Frobenius. Ursprung der Kultur. Bd I. Ursprung der afrikanischen Kulturen. B., 1898.

² Там же, с. 301.

³ Wichmann. Entdeckungs-Geschichte von Neu-Guinea. Leiden, 1909—1912.

⁴ B. Ankermann. Kulturkreise und Kulturschichten in Afrika.— «Zeitschrift für Ethnologie». Bd XXXVII. B., 1905.

⁵ Fr. Stuhlmann. Handwerk und Industrie in Ostafrika. Abhandlungen der Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd X. Hamburg, 1910.

⁶ Упоминания о «старых» и «молодых» (новых) банту встречаются во многих этнографических работах начала нашего века, преимущественно в немецких изданиях. а также в исследованиях бельгийского языковеда Ван Бюлька о Конго.

⁷ W. Grahnert. Über den Ursprung der «Beninkunst».— «Globus». Bd 94. Braunschweig, 1908, с. 301—303; он же. Über den indo-portugiesischen Ursprung der «Beninkunst».— «Globus». Bd 95. Braunschweig, 1909, с. 349, 360—365; он же. Zur Frage nach der Entstehung der «Beninkunst».— «Globus», Bd 97. Braunschweig, 1910, с. 78—79.

⁸ C. A. Rambourg. Récents découvertes de paleontologie humaine réalisées en Afrique du Nord Française. L'Atlantropos de Ternifine.— Pan-African Congress on Prehistory. Livingston. L., 1957, с. 194.

⁹ J. Desmond Clark. The Prehistory of Africa. L., 1970.

¹⁰ G. Camps, G. Delibrias, J. Thommeret. Chronologie absolue et successions des civilisations préhistoriques dans le nord de l'Afrique.— «Libya». T. XVI. Alger, 1968, с. 9—28; Fr. Willett. A Survey of Recent Results in the Radiocarbon Chronology of Western and Northern Africa.— «Journal of African History». L., vol. XII, № 3, с. 339—370.

¹¹ О происхождении банту см. «Journal of African History», где помещены статьи: R. Oliver. The Problem of the Bantu Expansion (vol. VII, с. 361—376); M. Posnansky. Bantu Genesis — Archaeological Reflexions (vol. IX, с. 1—11); J. Hiebert. Bantu Expansion: The Evidence from Physical Anthropology Confronted with Linguistic and Archaeological Evidence (vol. IX, с. 505—515). За этими статьями последовало немало других, опубликованных не только в этом, но и в других изданиях.

¹² G. Murdock. Africa. Its Peoples and Their Culture History. N. Y., 1959.

¹³ D. G. Coursey & C. Coursey. The New Yam Festivals of West Africa.—«Anthropos». Salzburg, 1971, vol. 66, с. 444—484.

¹⁴ F. Busson. Plantes alimentaires de l'Ouest Africain. Etude botanique, biologiques et chimique. Marseille, 1965. J. D. Snowden. The Cultivated Races of Sorghum. L., 1936. Origins of African Agriculture.—«Current Anthropology». December, 1968, pt II, с. 479—509.

¹⁵ P. Schumacher. Bantu und Indonesier. Eine sprachvergleichende Studie nebst ethnologischen Bemerkungen.—«Bibliotheca Africana». Wien (vol. III, 1925, с. 215—230). Столь же фантастична работа: K. Taüber. Neues über die Herkunft der Negroafrikaner.—«Petermann's Mitteilungen». В., 1929, H. 9/10, с. 236—239. Он доказывает на основании лингвистических сопоставлений заселение Африки дравидами и меланезийцами.

¹⁶ L. Homburger. Les Langues négro-africaines et les peuples qui les parlent. P., 1957. Этому вопросу посвящены, в частности, главы: «Le Sindo-africain» (с. 302—323); «Le canara-Bantou» (с. 324—328). Ею же опубликованы статьи «Elements dravidiens en peul» и «Les Telougous et les dialectes mandes», изданные в «Journal de la Société des Africanistes» (Paris) за 1950 и 1951 гг., где проводится сравнение языков Судана с языками дравидийской семьи.

¹⁷ A. M. Jones. Indonesians in Africa? — «West Africa». December 24. L., 1960, с. 1457; он же, Africa and Indonesia. The Evidence of the Xylophone and Other Mysical and Cultural Factors. Leiden, 1964; он же. Indonesier in Afrika.—«Afrika Heute». В., 1.VIII.1965, с. 192—195. Africa and Indonesia (Фотомеханическое переиздание книги 1964 г. с дополнительной главой: «More Evidence on Africa and Indonesia». Leiden, 1971). См. также: F. J. Nicolas. Origine et valeur du vocabulaire désignant les xylophones africains.—«Zaire». Bruxelles, 1957, vol. XI, № 1, с. 69—89.

¹⁸ James Hornell. Indonesian Influence on East African Culture.—«Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland». L., 1934, vol. LXIV, с. 305—332.

¹⁹ Mantle Hood [Рец. на:] A. M. Jones. Africa and Indonesia. 1964.—«Man». L., 1965, № 112. E. L. Heins. Indonesian Colonisation of West- and Central Africa.—«Bijdragen tot de Taal- Land- en Volkenkunde». Gravenhage, 1966, с. 274—282.

²⁰ Р. Хенниг. Неведомые земли. Т. 1. М., 1961. О Гиппале см. с. 287—289. Об Эвдоксе — с. 280 и сл. Основное исследование: J. H. Thiel. Endoxus van Cyzicus. Amsterdam, 1939. Mededeelingen der Kgl. Nederlandsche Akademie van Wetenschppen, Afdeling Letterkunde, Nieuwe Reeks, Deel 2, № 8.

²¹ М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. X.—284 г. по Р. X.). Казань, 1907.

²² Suniti Kumar Chatterji. India and Ethiopia from the Seventh Century B. C. The Asiatic Society Monograph Series. Vol. XV. Calcutta, 1968.

²³ Там же. Vol. VII. Изображение Апеджемака. Изображение поверженных врагов см.: P. L. Shinnie. Meroe. A Civilization of the Sudan. L., 1967, с. 90—91.

²⁴ Hans Jensen. Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. В., 1958, с. 338—339. См. также: Chatterji, с. 49 и сл.

²⁵ Enno Littmann. Indien und Abessinien. Festgabe Herrmann Jacobi. Bonn, 1926, с. 406—417. Цит. по: Chatterji, о. с., с. 22 и сл.

²⁶ И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. IV. М.—Л., 1957. О работах Г. Феррана см. с. 554 и сл. и список литературы (с. 779).

²⁷ G. A. Wainwright. Early Foreign Trade in East Africa.—«Man». L., 1947, № 161.

²⁸ Saton-Thompson. Zimbabwe. L., 1928.

²⁹ В. М. Мисюгин. Заметки о происхождении восточной мореходной астрономии.—Страны и народы Востока. Вып. VII. М., 1969, он же. Суахильская хроника средневекового государства Пате.—«Африкана». Труды Института этнографии АН СССР. Т. XC. 1966; он же. Основные черты этнической истории суахили (рукопись канд. дисс. Хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина).

³⁰ Описанию типов судов, встречающихся на восточном берегу Африки, посвящена довольно значительная литература. Основная работа Хорнелла интересна главным образом тем, что он приводит сведения о распространении аутриггеров в Индонезии и в Африке. Как и многие английские этнографы того времени, он не избежал явно расистских представлений о влиянии северной крови на культуры народов юга. В своей статье он приводит много сведений о преданиях, встречающихся в арабоязычных источниках и в устной традиции. Этнографические сопоставления относятся главным образом к мореходному делу и сравнению музыкальных инструментов, что позднее было гораздо подробнее разобрано Джонсом (J. Hornell. *Indonesian Influence on East African Culture*.—*Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain & Ireland*. L., 1934, vol. LXIV, с. 305—332). Более подробные сведения о различных типах судов у суахилийцев см.: W. H. Ingrams. *Zanzibar. Its History and Its People*. L., 1931, с. 302—308; A. H. J. Prins. *Uncertainties in Coastal Cultural History: The «Ngalawa» and the «Mtepe»*.—*Tanganyika Notes & Records*, с. 204—213; он же. *Sailing from Lamu*. Alben, 1965; G. W. Hatchell. *The Ngalawa and the Mtepe*.—*Tanganyika. Notes and Records*. 1961, с. 210—215; Ch. Sacleux. *Dictionnaire Swahili-Français*. P., 1939 (с. 610 — Mtepe; с. 678 — Ngalawa; с. 663 — Nahoza).

³¹ Арабские источники VII—X вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.—Л., 1960, с. 238 и 392.

³² В. К у м м. *Wörter und Wortformen orientalischen Ursprungs im Suaheli*. Hamburg, 1932, с. 78, 76 и т. д.

³³ Бузургибн Шахрияр. Чудеса Индии. М., 1969, с. 110—111. См. также: «Арабские источники по этнографии и истории Африки VII—X веков». с. 216.

В обстоятельном исследовании Р. Хеннига «Неведомые земли» (Т. II. М., 1961, гл. 108, с. 380—388 — «Колонизация Мадагаскара малайцами с Явы») приводится текст сообщения Идриси, где говорится о том, что у зангов нет кораблей для плавания по морю. Р. Хенниг поясняет слово «занг» указанием, что оно означает жителей Мадагаскара. Но это ошибка. Термином «занг», «зенг» арабы обозначали всегда лишь обитателей Восточной Африки, скорее всего бантуязычное население побережья. Это с несомненностью доказывается теми немногими словами из языка зинджей, которые приводятся в сообщениях арабских географов и путешественников и которые находят свое объяснение из языков банту.

³⁴ H. Deschamps. *Histoire de Madagascar*. P., 1960, с. 20. P. Boiteau. *Madagascar... Contribution à l'Histoire de la Nation Malgache*. P., 1958, с. 39.